

ЯСЯ БЕЛАЯ

ПОЙМАЙ
меня

Яся Белая

Поймай меня

<https://litres.ru/74221247>

Аннотация

– Раздевайся. Приказывает уверенно, осознавая полноту своей власти. Ухмыляется довольно, сыто, масляно. Мерзкий. – Чего встала? – уже с явным раздражением. – Я не люблю повторять дважды. Не заставляй меня раздевать тебя. Не понравится. Дрожащими руками тянусь к пуговицам на блузе. В конце концов, он в своём праве. Ведь он – мой муж. И он поймал меня, когда я падала из окна...

_____ История Глеба и Алёны -- приквел к роману "Выкупи меня", читается самостоятельно :)

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Меня трясло.

Внутри просто всё клокотало от ненависти и отвращения.

Паника вызывала тошноту.

Передо мной стоял очередной урод под личиной работодателя. Из тех, кого не интересует резюме и рекомендательные письма, а только длина юбки и глубина декольте.

Этот оказался настоящим маньяком. Я сглупила – не развернулась и не рванула прочь, когда он запер дверь, пропустив меня в кабинет.

Дальше он ничего не видел и не слышал...

Напирал, распускал руки, оттеснял.

Я забралась на подоконник. Подёргала шпингалет – он поддался. Створку окна удалось открыть. Ветер подхватил мои волосы и швырнул мне их в лицо. Будто ставил на вид: кто же ходит на собеседование распатланной?

Прямо увидела бабушку – её строго поджатые губы, недвольный вид, как она качает головой, услышала учительские интонации в голосе.

Хорошо, что бабушка сейчас в санатории, и не читает мне нотаций, о том, в каком виде я хожу устраиваться работу.

Поэтому тебя и принимают за девушку лёгкого поведения! – это внутренний голос – голосом бабушки.

Но таков мой принцип. Я специально одеваюсь соблазни-

тельно, распуская и укладывая крупными локонами волосы. Ничего вульгарного или откровенного. Всегда строгая офисная юбка-карандаш до колен и белая блуза. Но даже такая одежда на мне смотрится очень сексуально. Я осознаю свою привлекательность и подчёркиваю её одеждой. Считаю, что в этом нет ничего дурного. К тому же, должность референта предполагает симпатичную внешность. Но это ведь не главное? Я хочу добиться того, чтобы меня уважали за профессиональные качества, а не брали на работу ради белокурых прядей и смазливой мордашки. Ведь это же только встречаются по одежке? Оказалось – нет!

Эй, вообще-то у меня диплом престижного зарубежного колледжа. Три языка в совершенстве. Все офисные программы на зубок. Подготовлю любую презентацию. Устрою пресс-конференцию любого уровня. Я – специалист. Профессионал!

Говорила всё это. Выкладывала на стол документы. Показывала рекомендации. А он смотрел только на мои ноги. Сесть не предложил. А потом – поднялся и стал загонять, как дичь.

Массивный, потливый, старый. Живот перевешивался через ремень брюк. Пот дрожал на обрюзгших щеках.

Я пятилась до подоконника. А потом – вспрыгнула на него, распахнула окно.

Мужчина криво ухмыльнулся.

– Эй, птичка, не думаешь же ты, что сможешь упорхнуть?

Всё-таки третий этаж! Очень не советую проверять, что будет, если решишься прыгнуть.

Я хоть и блондинка, но не дура. Знаю, что будет. Останусь инвалидом на всю жизнь. Но если не прыгну – тоже стану инвалидом. Душевным. Потому что этот урод сломает меня. Я не смогу жить, если поддамся.

– Не смейте, – сказала, понимая, что голос от волнения и паники сел до шёпота, и у меня вырываются только хрипы. – Я буду кричать, – продолжала сипеть, и ни черта это негрозно и не пугает его.

– Будешь, – пообещал он, мерзко ухмыляясь, – когда я тебе засажу.

Мужчины – омерзительны! У них в голове только секс! В женщине они видят лишь объект для своих грязных утех и всё.

Куклу. Игрушку. Дырку.

Гадость! Ненавижу!

Я пошла ва-банк – выхода не было всё равно.

– У меня в сумочке диктофон включённый. Я всегда так делаю. И если вы не оставите меня в покое – запись попадёт во все соцсети.

Он рассмеялся мне в лицо.

– Птичка, для того, чтобы это случилось, ты должна отсюда выйти. Целой и невредимой. Через дверь. Потому что если прыгнешь – тебе будет не до публикации записей. Кости с асфальта собирать придётся...

Он прав. Чертовски, омерзительно прав.

Но я не могу. Мне нельзя сдаться. Меня не станет.

Однако и козырей тоже нет.

Забираться на окно на шпильке – дурацкая идея. Потому что я оступилась... И прежде чем поняла, что происходит, уже сорвалась и летела вниз...

Умирать страшно. Очень-очень. Не верьте тому, кто говорит, что это не так. А ещё страшнее – чувствовать боль. Понять, что сейчас твоё тело встретится с асфальтом, затрещат гости, хлынет кровь...

Я не хотела этого. Никто не хочет.

Не помнила – кричала ли? Слышала только, как ветер свистел вокруг. Глупо махала руками, словно это и впрямь крылья. И мне поможет, и я взлечу...

Птичка... Ага...Как же.

Я не поняла, откуда взялся тот мужчина... Он словно из-под земли вырос, кинулся ко мне, успел подхватить, но сам не устоял, и мы рухнули всё-таки на бетонную дорожку возле этого офисного центра...

В этот раз – с высоты его роста. Немалого, надо признать. Но – не с третьего этажа же!

Падая, он постарался развернуться так, чтобы я оказалась сверху. А сам, наверное, пребольно ударился. Но даже виду не подал. Наоборот, лежал, смотрел на меня и улыбался.

В серых глазах – растаявшие льдины и пляшущее на них весеннее солнце. Он не был мерзким. Не сейчас, когда так

светился. Когда взгляд не тяжелел похотью.

Незнакомец показался мне даже красивым... Пожалуй, слишком. Да что там! Настолько, что сердце пропускало удары. Глаза – светло-серые. А ресницы – чёрные, густые, бархатные. Загнутые на концах. Наверное, положи на них спички – не упадут. И поместится три кряду – такие длинные.

Я приподнялась на локтях и попыталась вырваться, но его руки лишь сильнее обвили меня, прижимая к каменному тренированному телу.

– Кто вы? – ко мне вернулся голос и способность возмущаться.

Он самодовольно усмехнулся:

– Судя по всему – твой будущий муж.

– А вот это уже наглость! – я почти задохнулась от столь бесцеремонного предложения.

Только вот незнакомец, похоже, не шутил.

– Вовсе нет, – проговорил он, помотав головой. – После того, как ты уложила меня на лопатки, просто обязана выйти за меня замуж...

Глава 1

– Ну, зачем ты? – говорю, а сама – горю вся от стыда.

Бабушка устроила мне такую встречу, будто это не я из туманов Альбиона прилетела, а сама королева Елизавета.

После трёх лет учёбы в промозглом Лондоне, родной город кажется мне невероятно тёплым и до боли близким.

А бабуля – единственный мой родной человечек – просто невероятной. Она умудрилась притащить в аэропорт духовой оркестр (у неё там давний поклонник, трубач), скупил, наверное, половину цветочного магазина и заказала настоящий лимузин!

Впрочем, она может себе это позволить – дедушка ушёл на заслуженную пенсию из генштаба. На его похороны министр обороны приезжал. Мы никогда не бедствовали. Но всё-таки подобная встреча – это излишество. Или, может, три года жизни в студенческом общежитии сделали меня более демократичной?

Бабушка приобнимает меня за талию, ведёт к лимузину. Её все и всегда заслуженно называли генеральшей: бабушка и в свои семьдесят – звезда. При шляпке, при маникюре, в строгом костюме. Директора школ бывшими не бывают.

Усевшись рядом со мной в просторном салоне лимузина, бабушка похлопывает меня по плечу и говорит:

– Наконец-то ты вернулась в родные пенаты. Надеюсь,

больше не упорхнёшь и не бросишь старушку в одиночестве?

Бабушка у меня – железная леди. Она пережила смерть моих родителей в авиакатастрофе. Похоронила дедушку. Выдержала три года моей учёбы за границей. Никогда не жаловалась, не ныла, не ждала сочувствия. Более того, презирала его.

Я обнимаю её в ответ и заверяю:

– Нет, больше уезжать не планирую. Хочу устроиться на работу у нас в городе.

Бабушка едва ли не подскакивает на месте.

– На работу? – она округляет рот. – Полагаешь, дед плохо позаботился о том, чтобы его внука ни в чём не нуждалась?

Нервно улыбаюсь – я ожидала, что натолкнусь на подобное. Наше общество куда более консервативно, чем западное.

– Дедушка, безусловно, молодец, – честно говорю я. – Но мне не нужны его деньги. Я хочу сама себя обеспечивать. Только это даёт женщине уверенность в себе и независимость.

Бабушка презрительно фыркает:

– Нахваталась в своём Лондоне! Уверенной в себе женщину делает любящий и заботливый муж, а не работа на дядю!

– Муж? – теперь уже подпрыгиваю я. – Брак вообще – пережиток прошлого. Ничего подобного я в ближайшие лет десять точно не планирую.

– Алёнка, – строго, учительским тоном чеканит бабуш-

ка, – не дури! Через десять лет мне будет восемьдесят. Я не справлюсь с правнуками.

– Какие правнуки? – возмущаюсь я. – У меня совсем другие планы – хочу работать и «делать себя», как говорят на Западе. Куплю квартиру, машину. А тогда уже можно будет подумать и о ребёнке. Только не от мужа... Бррр... Скорее всего, сделаю искусственное оплодотворение.

– Совсем головой поехала?! – бесится бабуля. – Ещё скажи – осеменение. Как корова племенная.

– Это грубо! – ставлю на вид.

– Это честно! – не сдаётся она. – Наслушалась ненормальных. Рассуждаешь, как дуры-феминистки.

– С чего бы они дуры? – вскидываю брови.

– С того со всего, что ты тут сейчас городишь... Что мужики бррр, и ребёнок из пробирки.

Я взрываюсь:

– Ну да, конечно, совсем забыла – у тебя же только два мнения: твоё и неправильное.

– Именно, – даже не думает отрицать она. – И моё мнение – что ты будешь распоследней дурой, если в ближайшее время не выйдешь замуж за нормального парня и не родишь детей.

– Вспомни, во сколько сама родила? – напоминаю её о поздней единственной дочери – моей маме.

– А я что, умной была? Так же как ты – карьера, независимость. А потом – куча болячек. Ты тут на меня не равняйся.

– И всё-таки, – решительно заявляю я, – действовать буду по тому плану, который определила сама. И ты меня не переубедишь.

– И не буду, жизнь переубедит, – говорит она и отворачивается к окну.

А я улыбаюсь, чувствуя свою маленькую победу. Жизнь мы делаем сами. Такой, какой захотим...

До самого дома молчим и не смотрим друг на друга. Я отправляю сообщение Ирине – школьной подруге. До одиннадцатого класса были – не разлей вода, а потом – пути разошлись. Она осталась в родном городе, поступила в педагогический (как бабушка мечтала для меня: что, мол, по её стопам пойду). А я – уехала за границу. Ещё в старших классах попала в программу обмена, как лучшая ученица гимназии с уклоном иностранных языков.

Я могла бы остаться в Лондоне. Столица Англии любимой, но... За три года так и не завела друзей. Так и не прикипела к тамошнему укладу. Всё чего-то не хватало. Всё было чужим, немым, тоскливым.

А сейчас, получая от Ирки сообщение: «Здорово! Сегодня вечером в семь!», улыбаюсь и расслабляюсь, окончательно почувствовав себя дома.

Бабушка, вон, только расстроена. Ну, ничего – она подумается и простит.

Однако – не прощает до дома. Машина тормозит возле

высокого забора, который отъезжает в сторону, открывая вид на роскошный двор и дом с стиле русской усадьбы. Нежно люблю его – с мезонином, колоннами, эркерами, большими окнами, в которых летом ветер треплет тонкие занавеси.

Родной, тихий, уютный.

Пока охрана выгружает мои чемоданы из багажника авто – догоняю бабушку, которая, с гордо поднятой головой, уже шествует к дому. Я беру её под руку, склоняю голову на плечо.

– Бабуль, ну ты посмотри, какая у нас тут красота и тишь, – обвожу другой рукой подворье. – Я хочу как можно дольше побыть здесь с тобой. А ты меня уже гонишь!

– Дура ты, Алёнка! – Она треплет меня по волосам и чмокает в макушку. – Никуда я не гоню. Просто времени осталось не так много, – пытаюсь перебить, но бабушка вскидывает узкую морщинистую ладонь в протестующем жесте. – Нужно смотреть правде в глаза, девочка. Я не молодею и не знаю, сколько мне ещё осталось. Не хочу уйти, бросив тебя неустроенной, одинокой. Это сейчас, в молодости, хорошо бравировать. А с возрастом понимаешь, как нужен рядом кто-то. – Сильная, она никогда не плачет, но сейчас глаза её влажно поблёскивают. – Я так сильно скучаю по твоему деду... Ты поймёшь, девочка. Скоро поймешь...

Не хочу её разочаровывать. Мы поговорим ещё раз. Вернее, ещё не раз. И, думаю, я смогу доказать свою правоту...

Сейчас же, спешно перекусив, – чем вызываю новую вол-

ну причитаний со стороны бабушки, – тороплюсь на встречу с Иринкой.

Она выбирает милое кафе на берегу озера. Машет мне из-за столика, который расположился на террасе, стоящей на сваях в воде. Впечатление – потрясающее. Будто вся конструкция парит над озёрной гладью.

Подхожу, расцеловываю, сажусь напротив. Не могу наглядеться на подругу. Кажется, за эти три года Иринка стала ещё краше. Сейчас она – природная брюнетка с зелёными глазами и светлой кожей – будто светится изнутри.

– Смотри, – протягивает узкую ладошку и демонстрирует изящное колечко на безымянном пальце. – Максим сделал мне предложение. У нас свадьба через месяц. Хорошо, что ты прилетела. А то я всё думала, как же мне тебя в подружки невесты заполучить.

Она улыбается и сияет, а я – сникаю. Вот, значит, в чём причина её счастья? Жаль, как жаль! А ведь ещё недавно Ирина писала мне, что мечтает стать таким же педагогом, как наша литератор Марья Дмитриевна. И что теперь?

– Постой, – хватаюсь за догадку, – Максим – это же Максим Евгеньевич? Бизнес-партнёр твоего отца?

– Да, а что? – она непонимающе хлопает ресницами.

– Он же старше тебя на десять лет!

– На двенадцать, – уточняет Ирина.

– Ещё лучше! – фыркаю я, по диагонали проглядывая меню. – Ты хоть понимаешь, что это – катастрофа?

– Почему? – снова не понимает она.

– Да потому, Ирусь, – срываюсь я, – что он читал книги, которые были популярны двенадцать лет назад. Смотрел фильмы, которые считались классными тогда. Слушал музыку, уже успевшую стать раритетным старьём. Вы – из разных миров! Из разных временных формаций!

– Глупости! – закипает Ирка. – У нас много общего. Ты даже не представляешь, сколько. А что касается книг, фильмов и музыки – то для того и существует классика, чтобы быть актуальной во все времена. Так что – не переживай, никакой катастрофы! Да и потом я люблю его. И он меня тоже. Мы уже два года знаем друг друга. Это – не спонтанное решение.

– Окей, – соглашаюсь я, подтягиваю стакан и пригубляю берёзовый сок. Вот о чем я скучала, когда жила за границей! – А в сексе вы тоже совместимы? У вас всё хорошо в постели?

Ирина густо краснеет. Вот буквально – до корней волос. Но всё-таки отвечает, смущённо комкая салфетку:

– Если ты имеешь в виду секс с проникновением, – тут её голос почти глохнет, шея идёт красными пятнами, Ирина хватает стакан и судорожно отпивает ледяной воды, – то нет, такого не было. Только петтинг и оральные ласки. С его стороны.

– То есть, за два года вы ни разу не занялись сексом? – сказать, что я шокирована, ничего не сказать. Я не занима-

лась этим, лишь потому, что у меня не было партнёра – как-то я и не очень его искала, но иметь постоянного мужчину, за которого собираешься замуж, и не спать с ним? У меня в голове не укладывается.

– Почему же за два, мы стали позволять себе такие ласки около полугода назад. До этого были просто свидания, ухаживания, совместное времяпрепровождение...

– Ира! – перебиваю эти восторженные излияния. – Ты же взрослая современная женщина. Ты, во-первых, должна понимать, что твой драгоценный Максим вряд ли всё это время хранил тебе верность и, наверняка, навёрстывал упущенное с кем-то более доступным. Во-вторых, если отрицал это, значит, врал тебе. А строить отношения на лжи – ну такое, знаешь ли...

Ирина вспыхивает, но теперь уже от гнева, а не от смущения:

– Это ты – знаешь ли! Я верю Максиму, и ты не заставишь меня усомниться в нём!

– Что же его останавливало тогда? – развожу руками.

– Моя невинность, – признается Ира, снова краснея. – Максим хочет, чтобы мой первый раз случился в нашу брачную ночь. Он – консерватор. В его системе ценностей до свадьбы – ни-ни!

– Ир, – фыркаю я, – двадцать первый век на дворе! Кто сейчас заморачивается такими вещами?

– Мы вот заморочились! – злится она, и уже – не на шутку.
– А ты говоришь так, будто за меня не рада – я ведь выхожу за серьёзного, взрослого, степенного мужчину. Который знает, чего хочет. А не просто играет со мной.

Вздыхаю:

– Понимаешь, подруга, ключевое здесь «выходишь замуж». Я не могу этому радоваться. Красивая, умная, талантливая. Будущий педагог-новатор – а я уверена, ты станешь именно такой! – и вдруг такая банальщина, как замужество. Вы же оба взрослые, самодостаточные. Могли бы просто жить вместе, притираться, присматриваться. Кому, спрашивается, нужен этот штамп в паспорте и глупые церемонии в ЗАГСе?

– Мне нужны! – зло отрезает Ира и вскакивает из-за стола.
– Представь себе, мне нужны! И если ты не можешь просто порадоваться за свою школьную подругу, то, извини, вряд ли я захочу общаться с тобой. Нотации о «неправильном образе жизни» мне не нужны. Сама разберусь как-нибудь. Я же взрослая и самодостаточная, как ты говоришь. Пока, Алён. Подружкой приглашу Зину. Она, по крайней мере, будет пищать от восторга вместе со мной.

И, гордо цокая каблуками, моя лучшая – до недавнего времени – подруга уходит прочь. Вот так легко разрушив нашу многолетнюю дружбу!

Комкаю салфетку и кидаю на стол. И злюсь, в этот раз –

на себя. Недавно выговаривала бабушке за то, что она своё мнение считает единственно верным и навязывает мне. А сама чем лучше? В конце концов, это выбор Ирины. Её жизнь. И даже если она ошибается или заблуждается – это её ошибки и её заблуждения. Она имеет на них право. Из этого складывается опыт. А если я нормальная подруга и люблю её – а я люблю, как сестру – то должна обязательно принимать такой, как есть.

Вскакиваю, бегу следом.

Удаётся перехватить Иру в вестибюле кафе.

Хватаю за руку, бормочу торопливо:

– Прости... прости, пожалуйста... Я не должна была говорить всего того, что сказала. Я волнуюсь за тебя. Лишь в этом причина.

Ира улыбается – она никогда не умела долго злиться. Обнимает меня первой.

– Прощаю, – охотно отзывается она. – И рада, что мы помирились. Не придётся Зину звать. Не очень хочу её в дружки.

И хоть у меня внутри всё восстаёт против такого решения подруги – я принимаю его. Она счастлива – значит, таково её счастье.

– Только обещай, что познакомишь меня с этим своим Максом. Я должна знать, кому отдаю подругу детства.

Ирка улыбается и обещает.

Мы расстаёмся довольные друг другом.

Моё утро начинается с прогулки по саду. Застаю там бабушку в перчатках, старых трико, смешной панаме и с тляпой. У нас есть садовник, но бабушка любит повозиться с землёй сама. И та платит ей сторицей: цветы в саду – ухоженные, пышные, яркие.

– Нарезь букет, – командует бабушка.

И я принимаюсь за любимое с детства занятие. Когда-то мне даже прочили карьеру флориста. А садовые букеты – вот такие, с утренним тургором, сочные, душистые – просто обожаю делать. И выходят они у меня – без бахвальства – очень классными.

Пока я собираю букет – домработница, Нина Пантелеевна, накрывает на стол: румяные сырники, сметана, свежая клубника, ароматный чай, мёд...

Всё это – на уютном патио, под сенью огромных старых лип.

Дом... Милый дом...

За чаем и неспешным разговором проходит утро.

Потом я ухожу к себе в комнату, открываю вакансии, по которым рассылала резюме, и с радостью вижу, что в несколько мест меня пригласили на собеседование.

Быстро переодеваюсь, целую бабушку, которая лишь слабо ворчит: «Эх, Алёна», и убегаю.

Своей машины у меня нет, брать бабушкиного водителя не хочу – вдруг ей придётся куда-то выезжать. Поэтому предпочитаю такси.

Уютный пригород остаётся позади, впереди вырастают свечи из стекла и бетона. Я бегаю по офисным зданиям, похожим друг на друга и везде слышу один и тот же вопрос: «Почему вы выбрали именно нашу компанию?» Ну что тут ответишь?

Я выбираю не компанию, а должность секретаря-референта. И мне, собственно, всё равно, чем именно занимается сама фирма или предприятие. Не на производство же иду.

Но ответ везде один и тот же – предельно вежливый: «Мы вам перезвоним».

Не отчаиваюсь – говорят, что в десяти местах тебе откажут, но в одиннадцатом – обязательно возьмут.

Так и случается и у меня. Эта компания занимается доставкой мелких пакетов и перевозкой крупногабарита. То есть, неликвидом, как они говорят сами. Тем, что другие неохотно берутся перевозить. Референту здесь полно работы.

Кадровик, дама средних лет, оглядывает меня с дружелюбной улыбкой и протягивает мне руку:

– Вы нам подходите. Добро пожаловать в «Быстро и надёжно».

Я готова прыгать на месте.

– Когда приступать? – интересуюсь я.

– Да прямо сейчас и приступайте – начальник ждёт вас в соседнем кабинете. Он озвучит вам все ваши обязанности.

Это настораживает. И я решаюсь спросить:

– А что – есть ещё какие-то обязанности, кроме тех, что прописаны в должностной инструкции?

Кадровичка даже очки приподнимает:

– Милочка, вы как с луны свалились! – хмыкает она. – Думаете вот это всё – она кивает на кипу заполненных мной бланков – действительно нам нужно. Нет! Нам нужны клиенты! Чем больше – тем лучше. И завоёвывать их следует, не гнушаясь ничем. Если клиента нужно соблазнить – значит, соблазнять. Если переспать – значит, переспать. Чем больше клиентов и сделок, тем выше бонусы и премии...

Я собираю вещи и встаю со стула:

– Ну, знаете ли! – киплю. – Эта какая-то девушка с низкой социальной ответственностью на процентной ставке получается!

– Так и есть, – подтверждает она, ничуть не смущаясь. – У нас, детка, что потопаешь – то и полопаешь.

– Тогда я, пожалуй, от вас потопаю, – говорю, направляясь к двери.

– Топай-топай, – ехидничает кадровичка мне вслед. – Удачных поисков, принцесса!

Захлопываю дверь, пулей выскакиваю из офиса этой конторы. Меня ещё потряхивает.

Да что они о себе мнят! Первый порыв – позвонить в трудовую инспекцию, устроить им проверку. Но потом осаживаю себя – они мне ничего дурного не сделали. Пусть живут. Может, найдётся дура, которая согласится и на их условия?

Гордо вскидываю голову и иду к стоянке такси.

Ничего – это только первый день поисков, а город у нас большой. Так что работу обязательно найду.

А по-другому – нельзя. Если задержусь чуть подольше в доме бабушки – быть мне отданной замуж. И прощай мечты...

Глава 2

Две недели бесполезных поисков. Две недели вежливых или не очень отказов, пока, наконец, не приходит предложение. Фирма солидная, занимается логистикой. Стоит попробовать.

Собираюсь, волнуясь. Мысленно прокручиваю будущий разговор с HR-менеджером. По телефону женщина показалась мне вежливой и компетентной. Даже если возьмут сейчас – а я почему-то не сомневаюсь, что возьмут – пока не стану съезжать от бабушки. Всё-таки, когда буду работать – отстаивать свободу станет легче.

Бабушка укатила в санаторий. И я рада за неё. Она совсем забросила себя, пока я училась. Не позволяла себе расслабиться или просто отдохнуть. А тут – позвал знакомый, тот самый трубач из духового оркестра, и она сорвалась. Бабушка уже в том возрасте, когда её не страшно отпускать с мужчиной. Она уже состоялась во всех областях – и как мать, и как жена, и как профессионал. Да и потом в таком возрасте флирт может привести лишь к совместному садоводству... Танцам по участку с корнеудалителем «Торнадо». Улыбаюсь, представив картину.

К моим поискам работы бабушка отнеслась со снисходительным: «Ну-ну...» Однажды, увидев меня перед выходом на собеседование, остановила и предложила присесть.

– Если ты действительно хочешь устроиться на работу – тебе нужно немедленно пойти и переодеться.

Я фыркнула, задрав нос:

– Разве я плохо одета?

Бабушка вздохнула:

– В том-то и дело, что слишком хорошо. Слишком модно. Стильно.

Мои брови взметнулись вверх:

– И?

– Лучше приведу тебе пример из жизни, чтобы было понятнее. Я – директор. Ко мне на одну и ту же должность приходят устраиваться две учительницы. У обеих – отличный послужной список, замечательные рекомендации с прошлых мест работы. Только вот одна выглядит, как серая мышка – одета скромно, не накрашена, волосы собраны в тугий пучок. В биографии – разведена, одна растит сына. Вторая – яркая, броская, одинокая, незамужняя. Не женщина – картинка из журнала мод. Какую бы ты выбрала на моём месте?

Пожала плечами:

– Одежда и внешний вид не всегда коррелируются с профессиональными качествами. Я бы дала шанс обеим.

– Вот и я дала. К счастью, мне тогда требовалось два математика. И делала ставку на серую мышку. Она оказалась неплохим педагогом, с подходом к детям, с проблесками таланта. Этаким основательный учитель, который продержится в школе много лет, выдавая неизменно хороший результат на

контрольных и экзаменах. Но то ли дело вторая – яркая, харизматичная. Она влюбляла в себя детей вполоборота. Она делала такие уроки, что к нам из соседних школ приезжали перенимать опыт. Но вот беда – уже через полтора года выскочила замуж и ушла в декрет. Сначала с первым, потом – со вторым. А потом и вовсе решила завязать с работой в школе – зачем? Муж обеспечивал, дом – полная чаша. А я – потеряла специалиста. С тех пор я старалась таких в коллектив не брать – потенциальные декретницы...

Я помотала головой:

– Ничего не понимаю. Не ты ли говорила, что лучшая карьера для женщины – замужество и дети?

– Для тебя – да, – подтвердила бабушка. – Но не для нанимателя. Любому начальнику нужен специалист, который не уйдёт с должности через год-другой. А когда тебя видят вот такую, – она обвела контур моей фигуры ладонью, – первое, что думают: так, эта через годик и в декрет. Поэтому стоит одеться поскромнее.

– Бабушка! – возмутилась я. – Это – глупые стереотипы. Я не стану им потакать. Пусть возьмут и посмотрят. Как я уже говорила – замуж в ближайшее время не собираюсь. Детей заводить тоже.

– Возможно, – задумчиво проговорила бабушка, – но они-то этого не знают. А со стереотипами ты так быстро не справишься.

– По крайней мере, – заверила я, – приложу все усилия.

Вот тогда-то бабушка и выдала своё снисходительное:
«Ну-ну...»

Сейчас же, покрутившись перед зеркалом, остаюсь довольна своим внешним видом – строгая офисная блуза, в меру прозрачная, тёмно-серая юбка-карандаш до колен, туфельки-«лодочка» на шпильке. Ничего вульгарного. Да, одежда идеально сидит по фигуре, подчёркивая достоинства, но в этом нет ничего дурного – секретарь-референт должен выглядеть элегантно и привлекательно. Это часть его «должностных обязанностей».

На месте я ровно в оговоренный срок. Кадровик заверяет, что я подхожу, но шеф хотел бы побеседовать лично. Я – уже пуганная – на всякий случай уточняю:

– Речь пойдёт о каких-то дополнительных обязанностях, не оговоренных должностной инструкцией?

– Нет, что вы! – аж взвизывается менеджер по персоналу. – Мы – приличная компания, а наш руководитель – солидный, уважаемый человек.

Я верю и вхожу в кабинет.

Верю, даже тогда, когда будущий начальник, пропустив меня вперёд, закрывает дверь на ключ...

Я всё ещё верю, когда он, вместо того, чтобы смотреть на мои бумаги, пялится на мои ноги...

Но поверить не могу, когда он начинает откровенно приставать, загоняя меня на подоконник...

Не могу поверить, когда он игнорирует мои угрозы...

Не верю и в то, что сорвавшись с подоконника, лечу вниз с третьего этажа и скоро встречу с землёй...

Не религиозна и не верующа, но сейчас талдычу на одной ноте:

– Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани!

А ещё, кажется, ору, пытаюсь перекричать ветер, что оглушительно воеет вокруг, будто насмехается.

И уж не знаю, какие силы услышали меня. Но спаситель появляется неожиданно – буквально вырастает из-под земли. Кидается ко мне и ловит в полёте. Однако его самого сносит, и мы падаем вместе. Незнакомец изворачивается так, чтобы я оказалась сверху.

А сам – наверное довольно больно ударяется о бетонную плитку, выстилающую площадку перед офисным центром.

Приподнимаюсь на руках, опираясь о каменную грудь. Такое впечатление, что мой спаситель – произведение искусства, изваяние. Я на время залипаю на его длинных чёрных ресницах и тону в светло-серых глазах. В них мерцают лукавые искры.

– Кто вы? – спрашиваю, замороженная внешностью этого мужчины.

Сильные руки смыкаются на моей талии – меня поймали и не намерены отпускать.

Впрочем, я и сама так бы и лежала – уж слишком хорош мой «матрас». От него приятно пахнет – уважаю аккуратных мужчин. Но это лежание просто неприлично. И я пытаюсь

вырваться. Но меня держат крепко.

– Твой будущий муж, – без намёка на шутку говорит незнакомец и рушит тем самым всё волшебство

Вырываюсь активнее, а он – держит сильнее, шипя: «Тсс... Тише-тише»

– А вот это уже наглость! – ставлю ему на вид бесцеремонный подкат. Мы ещё и познакомиться-то, как следует, не успели, а он уже включил альфа-самца.

Незнакомец лишь хмыкает, самодовольно щурясь:

– Отнюдь, – говорит он, – после того, как уложила меня на лопатки, ты просто обязана выйти за меня замуж.

Мне совсем не смешно – думала, что он умнее и оригинальнее. Жаль разочаровываться.

– Отпустите меня немедленно! – требую, пытаюсь убрать назойливые руки со своей талии. Его ладони смыкаются на ней в кольцо.

– Хорошо, но с условием, – соглашается он.

– С каким? – любопытно спрашиваю я.

– Не против, если мы сначала встанем? – он отпускает меня, и я, барахтаясь на нём, совершенно неизящно и задевая всякие части тела, которые бы не хотела задевать, краснея и чертыхаясь, всё-таки встаю.

Он поднимается тоже, куда легче, чем я. Такие движения говорят об отличной физической форме и регулярных тренировках.

Встав, мой спаситель возвышается надо мной на две го-

ловы. И мне приходится запрокидывать лицо, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Глеб, – произносит он, протягивая руку.

Красивая мужская ладонь. В меру широкая, с длинными сильными пальцами. Чуть выступающими венами. Твёрдая и шершавая наощупь – я всё-таки решаюсь вложить в неё свои пальцы.

– А-алёна... – лепечу, хотя не собиралась говорить ему имя.

– Ну, конечно, Алёна, – чуть лукаво улыбается он. – Ты же прямо из сказки упала мне на голову.

И не пожимает мою руку, нет, – подносит к губам и целует.

Так нельзя делать. Так уже сто лет никто не делает. Это старомодно, но... Но трогает что-то глубинно женское – потому что приятно, чуть смутительно и невероятно романтично.

– Итак, Алёна Сказочная, – переходит он на строгий, почти приказной тон, – тут неподалёку есть милое кафе. И в качестве компенсации за нанесённый мне ущерб, – почёсывает ушибленный затылок, а я – невольно люблюсь тем, как бронза и золото переливаются в его русых волосах, – ты обедаешь со мной и расскажешь, почему выходишь из здания таким нестандартным образом. – И под конец тирады окидывает совсем другим – внимательным, сканирующим, – взглядом.

Я невольно ёжусь и обхватываю себя за плечи. Мотаю го-

ловой: не готова делиться столь негативным воспоминаниями с незнакомым по сути человеком.

– Глеб, – говорю искренне, – я благодарна вам за то, что вы меня поймали. Сейчас бы меня, наверное, собирали по кусочкам. Но, извините, от обеда откажусь. И вообще – хотела бы поскорее оказаться дома.

– Нет, – резко заявляет он, – сначала ты всё расскажешь мне и напишешь заявление в полицию. Потому что если ты убегала от того, о ком я думаю, то эту мразь давно уже пора вывести на чистую воду...

– А как-нибудь без меня нельзя? – пытаюсь пройти, но Глеб довольно грубо хватает меня за запястье и останавливает. Сейчас и следа нет от того романтического мужчины, который целовал мне руку.

– Нельзя, – отрезает он. – Эти мрази потому и процветают, что их не хотят наказать. Ты сама потакаешь ему таким поведением.

– Пусть так, – взвиваюсь я. – Но, во-первых, отпустите меня, потому что вы делаете мне больно, – хватка на моём запястье тут же ослабевает, – а во-вторых, позвольте мне самой решать, что делать, а что – нет. Полагаете, вы ведёте себя лучше, когда хватаете первую попавшуюся девицу и сразу же требуете выйти за вас замуж?

– Не лучше, значит, – недобро сощуривается он. – Хорошо. Тогда, моя сладкая, ты нарвалась.

– О чём это вы? – не понимаю и невольно пячусь от него.

– А вот об этом, – он хватает меня, одной рукой обвивает талию, другой – перехватывает запястье (я намеревалась врезать ему!). Держит не больно, но достаточно чувствительно, чтобы понять, кто здесь главный. Наклоняется и впивается в мой приоткрытый от такой наглости рот жёстким собственническим поцелуем...

Мне надо вырваться, врезать ему, позвать на помощь... Но – как в бульварных романчиках – моё тело предаёт меня. Оно льнёт к мужчине, подчиняясь силе и власти, оно тает и растекается лужицей.

Меня целуют без всякой нежности. Просто пленяя мой рот, беря его, покоряя, захватывая... Это почти пошло. И, при этом, так нужно мне. До трепета натянутой струной. До нехватки воздуха.

Разум вопит, бьётся, требует наказания. Говорит, что это тот самый харассмент. И будь мы в просвещённом Лондоне, я бы засудила наглеца. А в России? Пешеходы проходят мимо, либо вовсе не замечая нас, либо улыбаясь...

Ах-ах, влюблённая парочка! Не утерпели, слились в поцелуе!

Глеб, наконец, отпускает меня. Вернее, просто перестаёт целовать. А держит по-прежнему.

И, несмотря на все метания моего рассудка, я не хочу, чтобы отпускал.

– Сравнила? – ехидно интересуется.

– Никакой разницы! – фыркаю рассерженной кошкой.

– Повторить?

– Отпустить!

– Нет, – резко отвечает он. – Мы идём в кафе, и ты мне всё рассказываешь. А потом я отвезу тебя домой.

– Позвольте мне самой решать, – всё ещё пытаюсь освободиться.

– Не позволю, – тоном, не терпящим возражений.

– Это почему ещё? – бешусь.

– Потому что ты теперь – моя зона ответственности.

– На каком основании? – рвусь из его объятий, отталкиваю, но силы слишком неравны.

– Много болтаешь, сказочная. Так и провоцируешь снова тебя заткнуть.

– Да вы... как вы... смеете?!

– А так и смею! – уже злясь, хотя непонятно на что, говорит он. – Ты – моя женщина. Мне отвечать за твою безопасность.

– Я не ваша!

– Моя, – наклоняется и выдыхает мне в губы. – И не спорь. Ты лежала в моих объятиях при всём честном народе. Целовалась со мной посреди улицы, – и на ухо, обдавая горячим дыханием, – когда ты падала, юбка задралась, и я видел твои трусики...

Алею. Даже если так!

– Это разве повод жениться?

– Ещё какой! – улыбается он и заводит мне за ухо прядку,

нежно касаясь губами виска. — К тому же, мне тебя нагадали. Я не верю во всю эту муть, но, ишь ты, сбылось! Та цыганка так и сказала: «Блондинка, что упадёт тебе на голову, станет твоей судьбой». Так что, судьба, идём.

Он берёт меня за руку и ведёт за собой.

Я почти бегу следом, приноравливаясь к широким шагам мужчины. Чувствую себя кем-то вроде домашнего питомца, бешусь страшно.

И вообще во мне всё мечется — я и хочу дальше оставаться с этим наглым властным мужчиной, и хочу оказаться от него подальше. Очень далеко.

Ведь он первый, кто поцеловал меня так... Я целовалась пару раз в Лондоне. Но один парень был гей, и я поцеловалась с ним, чтобы просто попробовать, каково это. Мне совсем не понравилось. А второй... Там и вспоминать не хочется — слюняво, мокро, поелозил губами...

То ли дело Глеб — властно, подчиняюще, будто сексом со мной занимался...

И это... это сносило напрочь и голову, и все барьеры, которые оказались чересчур хлипкими и ненадёжными перед таким напором.

Мы приходим в кафе, Глеб выбирает столик подальше от глаз, в небольшой кабинке. Нам приносят меню. Мы делаем заказ, официант уходит.

Мужчина садится напротив и снова вперивает в меня свой взгляд-скальпель.

– Рассказывай, – требует он.

Я сбивчиво вываливаю всё и невольно вздыхаю, будто реально сбросила тяжёлый груз.

– Вот же мразь, – Глеб зло комкает салфетку. – И ты ведь не первая. У нашего ведомства он давно в разработке.

– Ведомства? – фыркаю я. – Это какого?

– ФСБ, – говорит Глеб и отхлёбывает воду из высокого запотевшего стакана.

– Странно, – рассуждаю вслух. – Пусть он и маньяк, и ведёт себя хамски, но угрозы национальной безопасности вроде не представляет.

Я выросла в семье военного и кое-что понимаю в таких делах.

– Представляет, – отрезает Глеб. – Логистика – только прикрытие.

Но мне резко становится не до Глеба – вспомнив о несостоявшемся работодателе, я осознаю, что забыла на столе в его кабинете документы – диплом и сертификаты.

Хорошо, хоть сумочку удержала. Но и её выронила, когда Глеб подхватил меня.

Вскакиваю...

– Мне нужно вернуться.

– Куда? – спрашивает он, поднимаясь следом.

Господи! Какой же огромный! Аж страшно! Чувствую себя былинкой рядом с ним.

– Я сумочку уронила, – поясняю, – и документы забыла...

Там, в кабинете...

– Ты никуда не пойдёшь, – чеканит, усаживая на место.

– Пойду! – взвиваюсь я. – Не ва... не тебе решать!

– Мне. Я уже говорил. Я мужчина – я решаю.

Жуть! В какой домострой меня угораздило вляпаться!

– Но там мои документы! Диплом! Я должна забрать! – выпаливаю, снова вставая.

– Заберёшь, – сухо. – Идем.

И мы вместе направляемся к выходу.

Честно сказать, если бы не Глеб рядом, вряд ли бы я вернулась в тот офис. Потому что до сих пор обдаёт ужасом и паникой. И только сознание того, что рядом со мной большой и сильный мужчина, который крепко держит за руку, придаёт сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.